

Даже если бы опытный, искушенный в интригах старый дворецкий думал пальцами ног, он прекрасно понял бы, откуда взялось то почти осязаемое давящее настроение, окутавшее принца Хомана с самого утра.

Симон, главный виновник этого беспорядка, чувствовал себя на редкость вольготно: свернувшись калачиком на коврике, который служил принцу подставкой для ног, он мирно дремал.

Выходит, Ваше Высочество, вы просто еще не проснулись... — мысленно усмехнулся старый дворецкий, но, руководствуясь главным правилом сферы обслуживания поменьше болтать и побольше наблюдать, благоразумно прикрыл рот, лишь подергав бородой.

Хоман, одетый в черную пижаму, стоял у окна с хмуро сведенными бровями. Совершенно не замечая, как неуютно чувствует себя дворецкий Пьеро, он был полностью поглощен тем, что перебирал в пальцах черный хрустальный особняк.

— Ваше Королевское Высочество, ваше лекарство, — раздался голос дворецкого.

Хоман очнулся от раздумий, равнодушно принял шприц и, не дрогнув ни единым мускулом на лице, ввел препарат себе в тело.

Из-за особенностей организма, отличавших его от обычных людей, ему ежедневно требовалось принимать не менее пяти видов лекарств. С возрастом врожденные недуги не только не отступили, но и превратились в тяжелую ношу, дававшую о себе знать каждые три дня.

Впрочем, Хоман давно к этому привык. Если бы в этой жизни ему довелось взойти на престол и окинуть взглядом звездную систему с высоты абсолютной власти, он бы ни о чем не пожалел, даже умерев раньше срока.

Световой браслет мигнул, высветив сообщение: Письмо от маршала Алекса.

Хоман встрепенулся, поднял руку и принял вызов. На голографическом экране возник суровый, тронутый возрастом мужчина средних лет. Его орлиный взгляд поражал остротой, а широкие плечи выдавали в нем сильного стража.

Современный королевский двор в основном делился на две влиятельные фракции: фракцию Феникса и фракцию Дракона.

Большую часть фракции Феникса составляли ученые. Они не преклонялись перед стражами столь слепо, а порой среди них встречались и обычные люди. В их руках сосредоточились государственная казна, экономика и научно-исследовательские лаборатории. Представители этой партии поддерживали прекрасные отношения со старшим принцем Кином. К несчастью для них, сам Кин был одержим наукой и не проявлял ни малейшего интереса к битвам или

трону, что в итоге сыграло на руку такому интригану, как Хоман.

Фракция Дракона же объединяла почти всех военачальников. Все они были стражами, воспевавшими культ грубой силы, делавшими упор на реальные боевые действия в рамках национальной обороны и придававшими исключительное значение преемственности крови истинного дракона королевского рода. Разумеется, это было напрямую связано с тем, что нынешний король держал страну в повиновении именно благодаря своей мощи.

Алексис Бонпард перешагнул столетний рубеж при средней продолжительности жизни в звездном содружестве равной двумстам пятидесяти годам, и выглядел безусловным лидером фракции Дракона. В мире, где процветал культ силы, опираться лишь на сторонников Феникса было недостаточно. Без одобрения драконов борьба Хомана со вторым принцем за трон заранее обречена на проигрыш.

Именно поэтому Хоман уже два года подряд выкраивал по два месяца на боевую подготовку на тренировочной базе великого маршала Бонпарда. Прибегнув к хитрости, он завязал, то есть наладил контакт с главнокомандующим сил Бонпарда.

Вот только одолеть великого маршала оказалось непросто: его характер напоминал камень из выгребной ямы — такой же смердящий и невероятно твердый.

Увидев на экране лицо Бонпарда, Хоман озарил лицо редкой, учтивой улыбкой:

— Старший маршал Бонпард, давненько не виделись.

Суровое выражение лица великого маршала не изменилось:

— Я обдумал просьбу Вашего Высочества. Хотя императорская гвардия Ирисов — всего лишь ответвление храмовой армии, она олицетворяет собой пик боевой мощи династии Мэйн. Процесс отбора невероятно суров, а требования к физической форме запредельны. Учитывая состояние здоровья Вашего Высочества, о котором мы все наслышаны — вы бы вряд ли прошли стандарты даже при обычном призыве в армию, — к чему же так упорствовать?

Эти слова прозвучали крайне бестактно.

Между строк читалось: вам не потянуть планку гвардии Ирисов ни по способностям, ни по физическим данным, так что этому хрупкому аристократу лучше выбросить подобные глупости из головы.

Характер этого старого хрыча был не просто мерзким и упрямым — он вообще не поддавался ни на какие уговоры.

Хоман опустил взгляд, но не рассердился. Напротив, на его губах заиграла улыбка:

— Старший маршал Бонпард, ведомая вами гвардия Ирисов непобедимо шагает по просторам звездной системы. И все же девиз нашего войска гласит: не угаси волю сильных. Это доказывает, что сила нашей армии кроется в неукротимой воле, способной безгранично раскрывать потенциал стражей, а не в банальном богатстве крепких тел. Пускай я рожден в королевской семье и лишен богатырского телосложения, мое стремление к победе ничуть не уступает бойцам элитных подразделений. Я буду помнить наставления старшего маршала и продолжу стремиться к рядам гвардии Ирисов.

Бонпард на мгновение опешил. Очевидно, он никак не ожидал, что Хоман, меняющий маски быстрее, чем перелистываются страницы книги, не только не выйдет из себя, но и выдаст столь искреннюю речь.

Обычно он не слишком жаловал этого лишенного мужественности третьего принца, но сегодня неожиданно осознал наличие у того подобного стержня. В глубине души маршал даже слегка растрогался и не удержался от совета:

— Простите за прямоту, но стремление к силе — неременное условие для службы в Ирисах. Главная же задача Вашего Высочества на данный момент — взросление. Страж обретает истинную зрелость и способен раскрыть сто процентов своей мощи лишь после окончательного слияния со зверем-компаньоном. В несовершеннолетнем возрасте невозможно даже подтвердить уровень физического развития, не говоря уже о военной службе.

В глазах Хомана мелькнул острый огонек, однако уголки его губ тут же взметнулись вверх, и он с легкостью парировал дежурными любезностями.

Обменявшись еще несколькими светскими фразами, оба собеседника завершили видеовывоз с улыбками на лицах.

Как только связь оборвалась, улыбка на лице Хомана увяла, а взгляд стал ледяным.

Тягостное молчание.

Бац!

Стоявший на журнальном столике голографический терминал полетел на пол без всякого предупреждения.

Следом за ним, словно костяшки домино, рухнули чайная чашка, пепельница и декоративная ваза, разлетевшись на мелкие осколки с оглушительным звоном.

Дворецкий, профессионал своего дела, лишь на секунду замер. Заметив, что Хоман больше не делает резких движений, он махнул рукой, подзывая горничных для уборки, а сам тем временем заварил новую чашку чаю и поставил ее подле левой руки принца.

Пьеро прекрасно знал: третий принц лишь казался утонченным интеллигентом, но нравом обладал самым скверным среди всех трех братьев, так что битва посуды — сущая мелочь. В его присутствии каждый должен был держать язык за зубами и вести себя тихо.

И лишь черный дракон Симон даже не шелохнулся.

Грудь Хомана, вздымавшаяся от тяжелого дыхания, наконец успокоилась, а взгляд остался мрачным и глубоким. Если бы он мог повзрослеть и завершить слияние, стал бы он выслушивать пустые поучения этого Бонпарда?

Он столько времени притворялся покорным, унижался и даже пообещал выделить военное финансирование, а в ответ услышал лишь туманные отговорки. Мозги этих стражей из фракции Дракона устроены слишком прямолинейно, они совершенно не умеют мыслить гибко и способны лишь слепо следовать уставу. О том, чтобы прикрыть его перед кем-то, нечего было и думать — они скорее небо рухнуть позволят!

Причиной, по которой Хоман так отчаянно рвался в гвардию Ирисов, было то, что практически все предыдущие императоры — за исключением правящего ныне отца Хомана, великого императора Улькриха — вступали в ряды Ирисов еще до восшествия на престол.

Ему уже исполнилось двадцать лет, и если он не заложит прочный фундамент сейчас, о какой-либо конкуренции не останется и речи.

Это был уже далеко не первый раз, когда ему затыкали рот фразой о необходимости повзрослеть.

Дело было вовсе не в том, что он сам не тревожился о собственном взрослении; напротив, он проявлял невероятную активность, перепробовав бесчисленных лекарей, но ни один из них не мог толком разобраться в его состоянии.

До того как страж обретет слияние, он ничем не отличается от обычного человека, поэтому крайне трудно определить, кроется ли проблема в уровне феромонов.

Сам Хоман, не считая слабого здоровья и некоторой нестабильности феромонов, не замечал никаких отклонений. Период слияния затягивался без видимых причин, и никто не мог дать этому вразумительного объяснения.

Строго говоря, для большинства людей отсутствие слияния к двадцати годам еще не считалось запоздалым. Учитывая двухсотпятидесятилетний предел жизни гайанцев, многие проходили через это лишь к пятидесяти годам.

Однако в королевской семье дела обстояли иначе.

Хоман стал первым в истории принцем, перешагнувшим двадцатилетний рубеж без каких-либо признаков изменений.

Внезапно у входа послышался звук подъезжающего флаера.

Получив разрешение, старый дворецкий с нескрываемым облегчением удалился из спальни принца и поспешил в прихожую.

Из машины выпрыгнул миниатюрный юноша с каштановыми волосами и белоснежной кожей:

— Мистер дворецкий? Третий принц на месте?

Денди, младший сын маркиза Хабера, был редким для аристократических кругов проводником.

Число проводников в Гайанской системе значительно уступало количеству стражей, поэтому они всегда оставались дефицитным и баснословно дорогим ресурсом. В недалеком прошлом существовала даже политика принудительного распределения и создания пар. Лишь с наступлением эры Серебряного Хвоста, после восхождения на престол отца Хомана, эту систему окончательно отменили, предоставив проводникам гораздо большую свободу.

Пусть Денди был проводником, ума ему было не занимать: отличаясь проницательностью и следуя наставлениям родителей, он то и дело крутился здесь, явно рассчитывая использовать статус больного королевского отпрыска Хомана, а то глядишь — и выбить себе титул принца-консорта.

Старый лис вроде дворецкого Пьеро прекрасно видел все эти махинации насквозь. Чуть приподняв брови, он произнес:

— Да, мой дорогой Денди.

Денди заливисто рассмеялся, а его большие синие глаза заблестели, словно две лужицы чистой воды:

— Тогда не будете ли вы любезны доложить о моем визите? После нашей прошлой встречи в прошлом году я больше не видел Его Высочество.

На лице старого дворецкого не дрогнул ни один мускул; он отдал приказ роботу-горничной передать весть.

Вскоре Денди уже сидел за обеденным столом в покоях принца, без умолку щебеча перед Хоманом, неспешно лакомившимся святым кокосом.

У стражей были развиты все пять чувств, но к мирским удовольствиям они относились равнодушно — сражения и поединки привлекали их куда сильнее. Для некоторых грубых, прямолинейных стражей, превозносивших силу, еда служила лишь средством утоления голода, и изысканные свежие фрукты казались им менее привлекательными, чем глоток безвкусного питательного раствора.

Глядя на то, как принц Хоман с утонченной неспешностью пережевывает святой кокос, дворецкий Пьеро в душе снова мысленно вздохнул: третий принц — поистине исключение из всех возможных правил.

В конце концов старый дворецкий списал все странности на то самое несовершеннолетие. Несовершеннолетние стражи, еще не слившиеся со своими духовными сущностями, были далеки от той безумной боевой мощи, которой обладали взрослые воины.

Столь яркий нрав стража, разумеется, не мог возникнуть на пустом месте.

<http://bllate.org/book/19385/1896220>